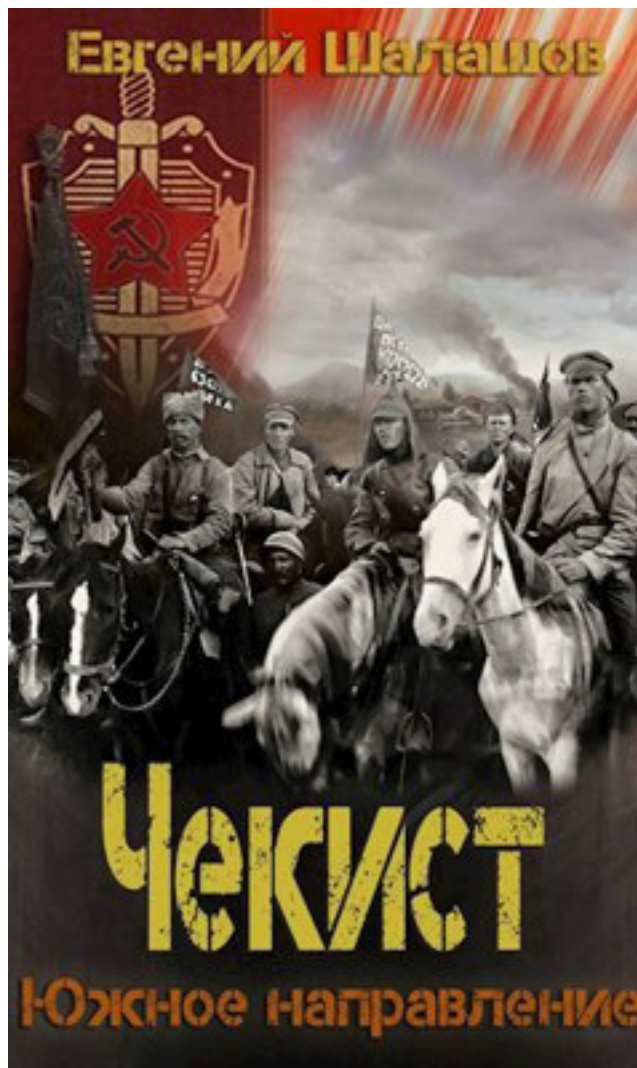

Евгений Шалашов

ЧЕКИСТ

Южное направление

Чекист

Евгений Шалашов

Чекист. Южное направление

«автор»

2021

Шалашов Е. В.

Чекист. Южное направление / Е. В. Шалашов — «автор»,
2021 — (Чекист)

Самое необычное, что может выкинуть история. Владимир Аксенов получает задание установить мир с белогвардейским Крымом. Но для мира придется совершить переворот и привести к власти генерала Слащева.

© Шалашов Е. В., 2021

© автор, 2021

Содержание

Предисловие	5
Глава первая В раздумьях об утопленнике	7
Глава вторая. Прогулка с товарищем Сталиным	12
Глава третья. Мнение народа	17
Глава четвертая. Нападение	23
Глава пятая. Те же и Берзин	28
Глава шестая. Нищенка из Львова	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Шалашов

Чекист. Южное направление

Предисловие

Семен Михайлович Буденный сидел в углу, на табурете, поставив между колен шашку и опираясь на рукоять подбородком. Вид у командарма был довольно угрюмый. Другой бы на его месте попытался отследить взгляды членов комиссии, но Буденный смотрел лишь в известную ему точку, не поднимая головы.

Кажется, именно так сидел Григорий Мелехов в каком – то из фильмов, но не уверен. По мне – так сидеть неудобно, но я и шашку с собой не таскаю.

Семена Михайловича можно понять. Рассматривалось персональное дело одного из его начдивов, а если конкретно – командира шестой кавалерийской дивизии товарища Апанасенко Иосифа Родионовича, допустившего во вверенной ему дивизии случаи мародерства.

С одной стороны – товарищ Апанасенко герой. Его дивизия, отличившаяся во время штурма Львова, понесла самые большие потери. С другой – чтобы выставить одуревших от крови, вина и женщин красноармейцев из старинного города, пришлось подтягивать две стрелковые бригады, «выдавливать» кавалеристов из населенного пункта, а потом разоружать два полка.

К чести Семена Михайловича, порядок он навел не дожидаясь указания ни из штаба фронта, ни из Москвы. Однако, ситуация требовала кого – то примерно наказать.

Комиссия, а если называть вещи своими именами – революционный трибунал, восседала за длинным столом. Михаил Иванович Калинин олицетворял собой ВЦИК, Эфроим Маркович Склянский – РВС республики, Иосиф Виссарионович Сталин олицетворял и ЦК, и реввоенсовет Юго – Западного фронта. Четвертый член комиссии, ваш старый (как я надеюсь!) друг Владимир Иванович Аксенов, представляющий на заседании Особый отдел ВЧК, а еще товарища Председателя Совнаркома товарища Ленина.

Четыре члена комиссии – число неудобное для вынесения решения, или приговора, но у Председателя, как это бывает, два голоса. Казалось бы, руководителем специальной комиссии следовало поставить кого – то постарше и повлиятельнее, но Политбюро ВКП (б) отчего – то решило, что здесь нужен незаинтересованный человек, не связанный ни с кем ни дружбой, как Сталин с Калининым, ни враждой. Кто с кем враждовал говорить не стану, читатель и сам понял. А вот отчего выбор Политбюро пал на меня, ума не приложу. И по партийному стажу, и по должности, я никак не мог бы тягаться с такими монстрами, как Склянский и Сталин, не говоря уже о товарище Калинин, являвшимся, пусть и формально, «президентом» РСФСР. Может, оттого и поставили?

А перед нами стоял сам товарищ Апанасенко. Без пояса, мрачный.

– Рыба гниет с головы! – вещал товарищ Склянский. – И я уверен, что главным виновником падения шестой кавдивизии, уронившей высокое звание красноармейцев, является товарищ Апанасенко! Поэтому, от имени Реввоенсовета республики, я требую смертной казни всего руководства дивизии, а также дивизиона для всех красноармейцев.

– Товарищ Склянский, вы хотите расстрелять только командный состав дивизии, или сюда следует включать и политработников, и командиров бригад, и полков? – поинтересовался Сталин.

– Товарищ Сталин, – передразнил Склянский Иосифа Виссарионовича, – Вы прекрасно панымаете, о чем идет речь. Я требую расстрелять весь командный состав дивизии, включая командиров полков и бригад. Про политработников речь не идет. Тем более, что я знаю, что

комиссар дивизии товарищ Спешилов пытался прекратить мародерство, и был ранен, а его помощник Шепелев убит.

Сталин покраснел, хотел что – то сказать, но его перебил Калинин.

Михаил Иванович, которого в фильмах всегда представляют таким старичком, говорящим дребезжащим голосом, неожиданно твердо спросил:

– Если расстрелять весь командный состав дивизии, где взять новый?

– А нам не нужен такой командный состав! – взвился Склянский. – Шестую дивизию следует расформировать, а красноармейцев и младших командиров, до командира роты, включительно, распределить по более достойным частям. Я требую поставить вопрос на голосование!

Глава первая В раздумьях об утопленнике

Про рыбу, гниющую с головы, Склянский сказал совершенно правильно. Беда только в том, что есть рыбины и покрупнее, нежели начальник дивизии.

– Подождите, Эфроим Маркович, – сказал я, удерживая разошедшегося Склянского. – Думаю, вначале следует спросить товарища Буденного.

Буденный же продолжал сидеть с отрешенным видом, словно человек, потерявший в этой жизни все и вся. Чего это на него нашло? Вот только, нередко случалось, что такое в спокойствие – только внешнее, а внутри творится невесть что. А если главный кавалерист Республики вытащит шашку и начнет сносить головы? Склянского, допустим, не жалко, но вот последствия... Даже если допустить, что командующего Первой конной мы с товарищем Сталиным от расстрела и «отмажем», но должности он лишится. А есть ли ему замена? И кто пойдет Крым от белых освобождать?

Про Буденного написано много. В советское время писали о нем исключительно положительное, а в перестроечную и постперестроечную эпохи, сами понимаете, совсем другое. И кресты, мол, он сам себе приписал – не было у Семена Михайловича «полного банта», а всего-навсего «егории» четвертой и третьей степеней, и медалей у него мало, и все прочее. А хоть бы и так. Эх, попробовали бы либеральные писаки заработать хотя бы одну медаль «За храбрость», котировавшуюся не ниже нынешней «За отвагу», я бы на них посмотрел. Что там еще говорят о Буденном? Мол, лошажник, и жизнь он видел исключительно из-за ушей своего коня, грубый, малограмотный и абсолютно «нехаризматичный».

Спорить не стану, а лишь выскажу свои соображения. Лошажник... Хм. Если это так, то как же Буденный додумался использовать бронетехнику, когда в декабре восемнадцатого года два броневика вместе с кавалерийским отрядом опрокинули конный полк белых? Нехаризматичный? Во-первых, он все-таки командовал не партизанской вольницей, подобно Махно, а регулярными частями, где вместо командирской «харизмы» выступает воинская дисциплина. А во-вторых, не будь у Буденного харизмы, он бы не удержал в руках такое количество кавалерийских и стрелковых дивизий, с общей численностью до двадцати тысяч штыков и шашек. Держать в руках голодных, раздетых-разутых мужиков, иной раз не имея связи с Центром, это ли не харизма?

И во время *того* польского похода именно Буденный сыграл едва ли не главную роль. Неизвестно, чтобы случилось, не вломись конармейцы в расположения белополяков. И нынче кто Львов-то взял, а? Вот, то-то и оно. Командарм довольно грамотно расположил в одном месте всю имеющуюся артиллерию, а после двухчасового артобстрела отправил на штурм кавалеристов. Вначале спешенных, а уже потом запустил на улицы города дивизию Апанасенко.

– Семен Михайлович, – обратился я к командарму. – Будьте любезны, расскажите, что вы лично сделали, чтобы привести дивизию в порядок?

Будущая легенда слегка встрепенулся, поднял на меня глаза, размокнув тяжелые веки. А ведь он пьян, наш полководец, собака такая! Причем, не просто «выпимши», а упившийся до полного поросячьего визга. Хотя...

Семен Михайлович с некоторой натугой встал и, глядя на меня круглыми глазами пьяной совы, начал довольно связно вещать:

– Я, это, узнал, что тридцать третий полк буйствует. В тридцать первом мы с Климом порядок навели, забияк успокоили. – Буденный потряс внушительным кулаком, показывая, как он успокаивал забияк и продолжил увлекательный рассказ. – А в тридцать третьем полку командир утек, а комиссара побили. Туда Апанасенко со Спешиловым поехали, но их не послушались. Товарища Спешилова ранили, вовсе убить хотели, но не осмелились. Уважают его хлопцы. Все-таки, «краснознаменец». Спешилов кулаком действовал, это понятно, а его

помощнику, товарищу Шепелеву не повезло. Он за наган схватился, начал стрелять. Одного мародера самолично убил, второго, но тут у него наган выбили и прикладом убили.

– А Апанасенко? – перебил Склянский командарма.

– А Апанасенку побили. Так вы поглядите на него, живого места нет.

И впрямь, под обоими глазами начдива заметны синяки. И нос сломан. Меня кольнула жалость. Вполне возможно, что у человека сотрясение мозга, а мы тут его арестантом держим. Ну, придется товарищу немного потерпеть. Все-таки от сотрясения мозга люди оправляются, а от расстрельной команды нет.

– Товарищ Апанасенко, присядьте, – разрешил я, и начдив тяжело рухнул на вовремя подставленный табурет. Не дожидаясь благодарности попросил: – Семен Михайлович, а что дальше?

– А чё дальше? Взял кавбригаду, собрал еще кого мог, приказал бронедивизиону (броневиков на ходу всего три осталось, но для солидности будет неплохо) выдвинуться, и в полк. А там натуральная буза – кричат, мол, всех жидов надобно из советских учреждений выдворить, нужно обратно в Львов вернуться, потому что жида всю провизию на сторону пустили, жрать нечего, а Львов – боевая добыча, и не дело красноармейцев законной доли лишать. Мол, их лишишь, а жида все равно разграбят. Тут я приказал полку построиться. Врать не стану – струхнул маненько, послушаются они меня или нет.

– Да что вы такое говорите? Да разве может настоящий большевик струхнуть? – взвился Склянский. Повернувшись к нам, заместитель Троцкого начал вещать, словно с трибуны: – Настоящий большевик не должен бояться ничего на свете, потому что истинная идея – а идея коммунизма истинна, не подвержена смерти! А трусость должна быть наказуема. Как может командующий армией бояться собственного личного состава? Уже за это надо снимать Буденного с должности.

– Товарищ Склянский, – не выдержал Сталин. – Настоящая смелость нэ в том, чтобы нэ испытывать чувство страха, а в том, чтобы этот страх преодолеть. Ничего нэ бояться только дураки. И товарищ Буденный показал нам настоящую смелость, преодолев свою трусость.

Товарищ Сталин посмотрел на Склянского довольно пристально, а правая рука у него уже началась сжиматься в кулак. Склянский же хотел еще что-то сказать, но голос подвел, неожиданно «пустив петуха». Чтобы не доводить дело до драки, я кивнул Буденному. Тот откашлялся, и продолжил:

– Так вот, я приказал полку строиться. Опасался, что мне подчиняться не станут, но обошлось. Правда, десятка два, а может и три бойцов в лес ускакали. Я кавбригаде приказ отдал полк окружить, а броневикам велел позицию за спинами занять. Приказал эскадронным командирам людей к построению выводить. Мол, кто в строй не встанет, того дезертиром прикажу считать. Построились поэскадронно. И тут я приказываю: «Полк! Равняйся! Смирно!». Ну, смотрю – полк по команде «смирно» весь замер. А тут я опять: «Сдать боевые знамена, врученные за храбрость!». Знаменосцы ко мне тронулись, знамена мне сдают, а я их товарищу Минину¹ отдаю. Смотрю – а у бойцов слезы в глазах появились. И тут я опять: «Клади оружие!» Ну, думаю, все. Щас хоть один карабин сорвет, стрельнет, а него глядя и другие. Ан, нет. Стали спешиваться, оружие на землю класть, а сами режут, словно не мужики, а бабы. Кое-кто на коней сел, в лес поскакал, оттуда выстрелы слышались. Ну, вернулись, спешенных тащат на веревках, человек пять. А потом, я такого не ожидал – половина бойцов на колени бухнулась, режут, словно белуги, а вторая половина начала своих скручивать и вязать. А потом, когда повязали человек двести, если не больше, сложили их на земле, кричат – товарищ командарм, вот они, злодеи. Эти, грабили и насиловали, и нас подбивали. Виноватые мы, что повелись. Расстреливайте нас всех, но только отдельно. Мол, провинились они, что там говорить, но не

¹ Минин – член РВС армии.

хотят, чтобы их вместе с предателями и мародерами вместе стреляли. И что тут сказать? Я тогда говорю – связанных я с собой возьму в штаб армии, там разбираться станем, знамена тоже пока в штаб. А оружие забирайте, кровью своей искупите, тогда и знамена верну.

– Семен Михайлович, сколько связанных было? – поинтересовался я.

– По головам я их не считал, но человек триста. Сорок – самых отпетых, я приказал расстрелять, а остальных в другие полки отправил.

Я не стал выяснять, как командарм распределял – кто «отпетый», подлежащий расстрелу, а кто нет, ему виднее.

– Спасибо товарищ Буденный, – сухо поблагодарил я командарма, намереваясь отпустить того с миром, но потом спохватился: – Да, а сами-то вы как считаете, отчего шестая дивизия взбунтовалась?

– Так это, само собой, если нам две недели жрать нечего, кони не кормлены, то кто угодно взбунтуется, пойдет мародерствовать, – отозвался Буденный. – В интендантской службе одни жида собрались, все на сторону пустили.

– Товарищ Буденный, а если без антисемитизма? – мягко сделал я замечание командарму.

– Ну, если без антисемитизма, – раздумчиво погладил усы Семен Михайлович – Тогда даже и не знаю.

– А не могли в дивизию проникнуть агенты Петлюры или Врангеля? – осторожно поинтересовался Калинин, приходя на помощь командарму.

– Да откуда им взяться-то? – пожал плечами Буденный. – Все хлопцы проверенные, все свои. Мы же так быстро наступали, что никаких агентов быть не должно.

– А если это агенты батьки Махно? – предположил вдруг Сталин. Посмотрев на меня, спросил: – Как вы считаете, Владимир Иванович?

Я оценил, что Сталин назвал меня по имени-отчеству. Читал, что обычно он именовал всех строго по фамилии. Но я решил, что самого Иосифа Виссарионовича следует называть так, как принято.

– Мне кажется, товарищ Сталин, что правы и вы, и товарищ Буденный. Конечно же, немалую роль – подчеркиваю, отрицательную роль, сыграли снабженцы. По возвращению в Москву подниму вопрос на коллегии – является ли это злым умыслом или простое головотяпство? Думаю, подключить к расследованию наркомат юстиции.

– Даже если это головотяпство, то виновные все равно должны понести наказание, – сказал Калинин. – Я со своей стороны тоже займусь этим делом.

– Разумеется, Михаил Иванович, – кивнул я. – Но в тоже время, в дивизию могли проникнуть агенты батьки Махно.

– Какие агенты? Какой Махно? – снова взвился Склянский.

– Махно – это который в Гуляй-поле, – любезно пояснил я Склянскому.

– А наши кавалеристы, они все нэмножко махновцы, – улыбнулся Сталин.

Вот, вроде бы, неглупый человек Склянский, а дурак. Пытается сделать виноватыми руководство армии, не понимая, что в этом случае станет виноватым и он сам вместе со своим патроном.

Нет, пора заканчивать прения. Я обвел взглядом присутствующих и сказал:

– Мне кажется, товарищи, мы можем отпустить товарища Апанасенко. Ему нужна медицинская помощь.

Тут встрепенулся командующий армией.

– Ничо, отлежится, – бодро сказал Семен Михайлович и приказал конвоиру: – Ты это, Еремеев, Апанасенку ко мне отведи... У меня там и лекарства малость осталось. А, ладно, я щас сам провожу.

Буденный уже собрался выходить, поэтому мне пришлось призвать его к порядку.

– Семен Михайлович, вашего начдива доведут и без вас, а мы без вас не обойдемся, – строго сказал я и, поймав тоскливый взгляд командующего Первой конной, улыбнулся: – Пять минут всего, потерпите.

Будущий маршал вздохнул и уселся на свой табурет.

– Семен Михайлович, сколько времени Апанасенко пробыл в должности начдива? – поинтересовался я.

– Дык... – призадумался Буденный. – Месяца еще нет.

Я посмотрел на Склянского.

– Эфраим Маркович, стоит ли говорить о суровом наказании, если Апанасенко не имеет опыта работы? И комиссар дивизии, как мне известно, занимает должность не больше месяца. Как им удерживать в руках людей, если они их толком не знают?

– Если товарищ Троцкий доверил Апанасенке такой ответственный пост, он обязан справиться, – твердо сказал Склянский. – Если нет – его следует примерно наказать. Малый стаж – это не повод для избежания наказания. Поэтому от имени РВС республики я требую для начальника шестой дивизии самого сурового наказания – смертной казни.

– Хорошо, – кивнул я. – Ставим вопрос на голосование. Кто за то, чтобы расстрелять Апанасенко? Кто против?

Как уже догадались, «за» выступил лишь Склянский, а все остальные против.

– Теперь о наказании, – сказал я. – Апанасенко следует наказать. Я считаю, что его следует понизить в должности. Назначить командовать полком или бригадой.

– Лучше бригадой, – внес предложение Сталин.

– Бригадой, – кивнул я.

– Да что вы такое мелете? – нервно выкрикнул Склянский. – Поставить комбригом нерадивого начальника дивизии? Если уж решили сохранить Апанасенко жизнь, то его следует отправить в тюрьму. – Усмехнувшись, заместитель председателя Реввоенсовета республики решил сострить: – Верно, в семинариях учат быть очень добренькими, как иисусики?

Отчего-то меня это задело, и я сразу же «окрысился»:

– А что вы имеете против семинарий, товарищ Склянский? Да, я не учился ни в гимназии, ни в университете. Мои родители были крестьянами и не могли себе позволить учить меня в гимназии, не говоря уже об университете. Я вам так скажу, товарищ Склянский – когда я учился в семинарии, то реалисты никогда не выпендривались достатком родителей, потому что знали, что могут изрядно схлопотать.

Склянский отчего-то вытаращил глаза, а от стола раздался хохоток Сталина.

– Владимир Иванович, не беспокойтесь, это нэ про вас. Товарищ Склянский пытается уколоть не вас, а меня. Ему отчего-то нэ дает покоя моя духовная сэминария. Но это он дэлает нэ от большого ума. А развэ ви учились в сэминарии?

Ох ты, елки-палки, а ведь я и забыл, что Сталин учился в духовной семинарии. Кажется, он ее так и не закончил. Кстати, а сам Склянский-то что заканчивал? Либо медицинский, либо юридический. Склянский, вроде бы, дожил до двадцать шестого года и утонул загадочным образом где-то в Америке? Кто-то даже писал, что его «завлекли в воду». Вину, разумеется, возложили на Сталина. М-да, Иосиф Виссарионович человек терпеливый. На месте Сталина я бы утопил Склянского гораздо раньше и не в озере, а в какой-нибудь грязной луже.

– Я закончил учительскую семинарию, – улыбнулся я будущему генсеку. – Но в сущности, что учитель, что священник – профессии очень схожие. Знаю случаи, когда выпускники духовной семинарии шли работать земскими учителями, а выпускники учительской принимали сан.

– Товарищи, давайте не будем отвлекаться, вернемся к теме, – постучал по столу Калинин, прекращая наш разговор со Сталиным. – Мы еще не решили, как мы поступим с Апанасенко? Что скажете, товарищ Аксенов?

– Я думаю, Михаил Иванович, с Апанасенко мы решим просто – вопрос о его дальнейшей судьбе пусть решает командующий армией. Все «за», кроме товарища Склянского. Значит, приняли большинством голосов – товарищ Буденный сам накажет. А уж поставит он Апанасенко командиром бригады или полка, его дело. Так, Семен Михайлович?

Меня удивило, что Склянский промолчал. Может, обдумывает очередную пакость?

– Конечно, – повеселел Семен Михайлович. Обведя нас осторожным и каким-то хитроватым (и уже абсолютно трезвым!) взглядом, легендарный командарм спросил: – А что с расстрелами командиров? С децимацией?

– Я считаю, что в децимации нет необходимости. Конечно, – усмехнулся я. – Я университетов не заканчивал, но помню из программы семинарии, что даже римляне проводили децимацию крайне редко и только в тех случаях, если войско бежало от врага. У монголо-татар, как мы помним, тоже применялось нечто подобное. В данном случае шестая дивизия от врага не бежала. Напротив, проявила героизм. Дивизия первой вошла во Львов. Нам, товарищи, нужно думать о будущем. Как мы станем учить молодежь, если расскажем, что дивизия, отличившаяся в сражениях, расформирована? Нельзя мерить единым аршином и героев и преступников.

– Значит, станем учить молодежь на примере мародерства? – ядовито усмехнулся Склянский. – Хорошенькую же мы вырастим молодежь, гражданин выпускник учительской семинарии.

Мне отчего-то захотелось встать и двинуть товарища Склянского между глаз. Может, после совещания? А еще лучше, дать поручение своим парням отловить заместителя Троцкого и тихонечко утопить. Что тут поблизости есть? Кажется, Пблтва – приток Западного Буга. Я даже представил, как Склянский пускает пузыри.

– Нэ перэдергивайте, товариш Склянский, – вмешался Сталин. – Ви, как всегда, вмэсто дискуссии переходите на личные оскорблэния. А Владимир Иванович прав. Виновные должны быть наказаны, но в индивидуальном порядке. А если в учительских сэминариях всэ такие, как таварыш Аксенов, то маладеж мы харашую вырастим.

Глава вторая. Прогулка с товарищем Сталиным

Заседание комиссии закончилось. Как я и думал, большинством голосов было принято решение оставить Буденного в должности командующего армией, децимацию не проводить, расстрелы, уже проведенные будущим маршалом, официально утвердить. Естественно, никакого расформирования шестой дивизии, не говоря уже о казни комсостава.

Склянский немножко пофыркал, помотал башкой, словно обиженный ёжик у которого из пасти вырвали дохлую лягушку, что-то побурчал себе под нос, но уже не вещал. Скорее всего, заместитель Председателя РВС РСФСР осознал, что сотрясать воздух не стоит. Возможно, будь на его месте Троцкий, решение было бы иным, но заместитель – это все-таки не сам Председатель.

Забавно, но из-за чрезмерной секретности нашего совещания – кстати, на этом настоял именно Склянский, в роли секретаря выступал сам товарищ Калинин. Но Михаил Иванович несмотря на свой высокий пост не погнушался составить протокол, четко распределив позиции участников. Разумеется, Эфраим Маркович вписал свое особое мнение, но не уточнил, в чем именно оно заключалось, а потом, сославшись, что ему нужно срочно уехать к командующему фронтом, ушел даже не попрощавшись.

– Фух, даже на душе легче стало, – выдохнул Калинин, потеряв бородку.

– И воздух посвежел, – подал реплику командарм.

От реплики, сопровождавшейся крепким «выхлопом», я едва не закашлялся, но старшие товарищи были покрепче.

– Семен Михайлович, кого на место Апанасенко поставите? – поинтересовался я.

– А хрен его знает, – повел плечами Буденный. – Хотел Оку Городовикова, но его на четвертую дивизию лучше определить.

– А ви, Владимир Иванович, кого предлагаетэ канкрэтна? – с любопытством поинтересовался Сталин.

Вот тебе раз. Язык мой – враг мой. Кого я могу предложить, если здесь первый день? И, вообще, откуда могу знать руководящий состав шестой дивизии, не говоря уже о всей армии? Книжки из серии «ЖЗЛ» пока не написаны. Пожав плечами, глубокомысленно изрек:

– Знаю, что молодежь в Первой конной талантливая. Слышал про Хрулева, про Тюленева. А, вот еще... Мерецков у вас есть. Говорят, может со временем стать хорошим начдивом. Ну, да руководству армии и фронта виднее.

Первая конная – это вообще кузница кадров высшего комсостава РККА. Кто не верит, пусть заглянет в какой-нибудь биографический справочник или в Википедию. Можно бы упомянуть Белова и Гречко, Рыбалко и Кулика, но их имена называть не стал. Помнил, что по молодости лет они пока больших высот не достигли. И маршала Жукова тоже не стал вспоминать. Карьера Георгия Константиновича свяжется с Первой конной потом, после гражданской. А где маршал Победы сейчас служит, даже не помню. А допусти я, чтобы Склянский провел расстрелы комсостава шестой дивизии, так много толковых военачальников пошло бы в распыл. Нет уж, нет уж.

– Тюленев у меня лучший комбриг. А Кирюха Мерецков... – призадумался на минутку Буденный. – Он в шестой дивизии помощник начштаба. Парень дельный, разведку наладил, но молод еще, двадцать два года парню, куда ему дивизию?

Я уже пожалел, что затеял разговор. Вообще, кадровые вопросы в компетенции командующего армией. Не уверен, должен ли Егоров и РВС фронта утверждать назначения? А Мерецков, хоть и показал себя талантливым полководцем, и на самом деле не имеет нужного опыта. Тот же Апанасенко хоть и постарше будущего кавалера ордена Победы, но пока до начдива не дорос. Ему бы еще годик в комбригах походить, а еще лучше – в комполка.

– Семен Михайлович, вы сами решите, кого в начдивы поставить, – еще раз сказал я. – Не наспех, а, так сказать, с чувством, с толком и с расстановкой.

– Нэплохо особый отдэл ВЧК работает, нэплохо, – помотал головой Сталин.

– Товарищ Сталин, если бы мы хорошо работали, то ЧП не случилось бы, – самокритично отозвался я. – Если агенты Врангеля и Махно проникли в армию, это наша недоработка. Думаю, об этом надо в протокол записать.

– Уже, – сообщил Калинин. – И вписал еще, чтобы товарищ Буденный выпустил приказ по Конармии с указанием причин мятежа. Хотя... – призадумался будущий Всесоюзный староста. – Какой же это мятеж? Мятеж – это выступление против существующей власти. А здесь у нас что?

– А здесь у нас имеются отдельные случаи нарушения воинской дисциплины и социалистической законности, с которыми справилось руководство Первой конной армии, и РВС, – внес я свое предложение.

Народ, оценив «изящную» формулировку, закивал. Кажется, все.

– Так я пойду? – поинтересовался Семен Михайлович, по лицу которого было видно, что он доволен результатами.

– Да, товарищ Аксенов, можно считать заседание закрытым? – поинтересовался Калинин, а дождавшись моего кивка, пояснил: – Я бы вместе с товарищем Буденным проверил, как там товарищ Апанасенко себя чувствует. Все-таки боевой начдив...

Ишь, пойдут они проверять, как там Апанасенко себя чувствует. Видимо, слегка «полечат», да и сами «полечатся». Кажется, Семен Михайлович принимает «лекарство» не первый день. Но вслух я сказал:

– Правильно, Михаил Иванович, нужно проверить, как там начдив. Товарищ Апанасенко, хотя и неопытный товарищ, но как командир подрастет.

– А вы не желаете вместе с нами? – невинно поинтересовался Буденный уже принявший «низкий старт».

– Я потом, позже, – «отмазался» я. – Мне еще нужно свой личный состав проверить. Мы же сегодня прибыли, я с бронепоезда прямо сюда.

Действительно, предписание ехать во Львов я получил в дороге. Пересадил Артузова с его командой, а сам ринулся на Юго-западный фронт, к Егорову.

Когда Буденный в компании с Калининским ушел «лечить» Апанасенку, я только вздохнул.

– Осуждаете? – поинтересовался Сталин. Усмехнувшись, сказал: – Плохо эта, если командарм пьет. Но я Сэмена давно знаю – ум нэ пропьет.

– Товарищ Сталин, а кто я такой, чтобы осуждать командующего армией? – хмыкнул я.

Мне не очень понравилось, что Буденный ушел «догоняться», но еще больше удивил поступок Калининского. Все-таки, где Председатель ВЦИК, а где командарм? Не по рангу бы Калининскому с простыми командармами пить. Впрочем, что я о них знаю? Может, Михаил Иванович с Семеном Михайловичем лучшие друзья?

– Докладывать будэте? – поинтересовался Сталин, а потом уточнил. – О факте пьянства среди командного состава армии, да еще вмэсте с председателем ВЦИК?

– Мне такой задачи не ставили, чтобы командармов, а уж тем более – председателя ВЦИК, на путь истинный наставлять, – усмехнулся я. – Для этого комиссары есть, РВС. Вы его непосредственный руководитель, вам и мучиться. Я другого опасаюсь. Склянский об этой ситуации станет Троцкому докладывать. Сообщит – командующий армией пьянствует, а член РВС фронта в этом ему потакает.

– Троцкому пусть докладывает, его дэло, – отмахнулся Сталин. – Склянский постоянно о чем-то докладывает, все уже от него устали. Вы – другое дело.

Опаньки... Сталин считает, что я другое дело? С чего вдруг? Но спрашивать неловко. Предполагается, что мне известно, отчего мнение простого особиста важнее мнения замести-

теля Председателя РВС республики. Но мне понравилось, что Сталин пытается выручить своего подчиненного.

– Я, товарищ Сталин, сам человек непьющий, но остальным свое мнение не навязываю. Знаю, что самые ревностные трезвенники получаются из бывших пьяниц, поэтому свое мнение держу при себе.

– Я слышал, что товарищ Аксенов абсалютно нэ пьет, – улыбнулся Сталин. – Для маладого чэлавека – очень странно.

– У меня предки из староверов, – сообщил я Сталину уже не раз выручавшую меня версию. – А я выпил однажды, когда лежал в госпитале – думал, умру. С тех пор даже запах спиртного неприятен. Но повторюсь, что никому своего мнения не навязываю. Если человек выпивает в меру, то почему нет? У нас в деревне говорили – пей, да дело разумей. Как по мне – это для Буденного исключение, а не правило. Будь он на самом деле алкоголиком, то дальше ротного, ну, применительно к коннице эскадронного командира, бы не продвинулся. А уж на должности командарма... Нет, не сможет пьяница армией управлять. Да что там армией, полком не сможет. Сорвался человек, все бывает. Потому ни товарищу Ленину, ни Дзержинскому докладывать не стану. А если на Склянского сошлются, так я не врач. Как я могу определить – пьяный человек или нет? Может, товарищ Буденный всю ночь не спал?

– Если бы одну ночь, так и разговора бы нэ было, – грустно улыбнулся Сталин, а грузинский акцент словно бы проявился резче. – Сэмен чэтыре ночи нэ спал, по полкам матался.

– Четыре ночи? – удивился я. Покачав головой, сказал: – Теперь, если спросят, скажу – это я сам приказал товарищу Буденному выпить, чтобы у него крыша не съехала.

– Крыша? Какая крыша? – переспросил Сталин слегка нахмурившись.

– Крыша съехала – это, типа с ума человек сошел, – торопливо сообщил я, покрутив пальцем у виска, а потом привычно соврал: – Так в Архангельске говорят – мол, крыша у человека едет.

– Крыша едэт... Нэ слышал никогда, – хмыкнул Сталин. – Но интэресно сказана, нада запомнить.

Вот, теперь я еще и Сталина «заразил» очередным неологизмом. Впрочем, он и сам ввел в обращение любопытный оборот. Всегда интересовало, правда это или нет? Набравшись храбрости, спросил:

– Товарищ Сталин, а можно спросить?

– О чем? – поинтересовался Сталин, вытаскивая из кармана кисет и трубку. Посмотрев на меня, спросил: – Нэ возражаете?

Еще бы я возразил. Увидеть Сталина с трубкой – давняя мечта. Иосиф Виссарионович несмотря на мифы, что он не выпускал трубку из рта, сегодня еще ни разу не курил.

Решив, что формальное разрешение на вопрос получено, и пока товарищ Сталин «священнодействовал», набивая трубку дешевым табаком, я принялся излагать суть вопроса.

– Слышал я как-то, что товарищ Сталин бежал из ссылки благодаря «аршину водки».

Иосиф Виссарионович с любопытством посмотрел на меня, но так как был чрезвычайно занят раскуриванием, ничего не сказал, а только кивнул – мол, продолжайте.

– Так вот, – уверенно начал я свой рассказ, почерпнутый из книжки известного историка Похлебкина. – Сидел товарищ Сталин в ссылке, но надоело ему там сидеть, скучно стало, и решил он бежать. Откуда – из Туруханска или из Вологды, не помню, да и неважно это. Но пешком идти – далеко и долго, на поезд сесть – тоже не вариант, из Туруханска поезда вообще не ходят, да и из Вологды через день, а если и сесть, жандармы через десяток верст ссадят. Стало быть, остается сбегать на почтовых. Но как бежать, если все возчики либо с полицией, либо с охранкой связаны? Могут и побоятся ссыльного с собой взять, а если и возьмут, то на следующей станции сдадут в полицию.

Хотел сказать, что могли еще испугаться «лица кавказской национальности», но решил политкорректно выпустить эту фразу, но Сталин все и так понял.

– Да, тэм болээ, с маим грузыным носом, точно бы испугалысь, – хохотнул член РВС фронта, выпуская первые клубы дыма. – Решыли бы – разбойнык бэжит. И в морду бы дали, и жандармам сдали.

– Вот-вот, – кивнул я и продолжил. – И вот, подходит товарищ Сталин к ямщику и спрашивает: «Дарагой, аршин водки сможешь выпить?». Ямщик, понятное дело, в недоумении. Как можно выпить аршин водки? Косушку там, штоф, даже ведро тут все понятно, а как аршин выпить? Может, его в ведро засунуть? Нет, все равно не то. А товарищ Сталин и говорит – мол, если довезешь до станции, научу тебя, как аршин водки выпить. Возчик, понятное дело, заинтригован, шапку оземь, давай, говорит, поехали. А как до следующей станции доехали, товарищ Сталин вытаскивает из-за пазухи аршин, набор серебряных стопочек, расставляет их по линейке. Достает из кармана флягу и наливает водку. Вот это и есть аршин водки! Ямщик, понятное дело, весь в изумлении, но водку выпивает, а потом бежит к товарищу и говорит – мол, бери этого грузина, вези на следующую станцию, он тебя научит водку аршинами пить. И так, аршин за аршином, станция за станцией, но товарищ Сталин до Варшавы доехал. А Польша хотя и часть Российской империи, но там уже и законы другие, и жизнь другая.

Товарищ Сталин хохотал так, что поперхнулся дымом и закашлялся. Откашлявшись и вытерев заслезившиеся глаза, махнул рукой с трубкой:

– Брэхня все это. – Подумав, добавил. – Но брэхня красивая. Умный челавэк придумал. Только зачэм?

Мне стало грустно. В свое время очень понравилась история опубликованная Похлебкиным. И звучала убедительно, и подана довольно красиво. Стало быть, она тоже из области мифотворчества о том, что товарищ Сталин хорошо разобрался в психологии русского человека. Впрочем, это не вина Сталина, а домыслы его биографов.

Я аккуратно свернул протокол оставленный Калининым. Мне же эту бумагу (виноват, документ) в Москву везти, Ленину предъявлять.

– Копию нэ забудьте прислать, – напомнил мне Сталин. Потом лукаво посмотрев на меня, обронил: – А чаркы нэ сэрэбряные были, а мэдные. Гдэ бы я в ссылке сэрэбряную пасуду нашел?

Вот ведь какой шутник товарищ Сталин. Теперь сиди и думай, а может, талантливый историк, сумевший сохранить для России известный бренд, все-таки не соврал? Или же Сталин решил взять на вооружение любопытный факт из собственной биографии? Подумаешь, что факт вымышленный. Одним эпизодом больше, другим меньше. Кто же на самом деле знает наши биографии, кроме нас? Постороннему человеку сложно сказать – где заканчиваются реальные события, и начинается мифотворчество. Как там у классика?

Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По²?

Я так ушел в дебри историко-литературоведческих размышлений абсолютно ненужных в данный момент, что не сразу заметил, что Сталин уже оделся.

² Борис Пастернак.

– Какие у вас планы на вечер, Владимир Иванович? – поинтересовался Иосиф Виссарионович.

– Хотел навестить в госпитале комиссара дивизии Спешилова, – ответил я.

– Вам это нужно по дэлу? – удивился член РВС фронта.

– По личному, – честно ответил я, чтобы Сталин не подумал, что я собираюсь «копать» еще глубже. – Виктор Спешиллов – мой друг еще со времен Архангельска. Хотел узнать – как он там.

– А, точно, – кивнул Сталин. – Товарищ Спешиллов переведен к нам из шестой армии, а она, как помнится, освобождала Архангельск. Ви с ним сотрудничали?

Как-то совсем незаметно я начал рассказывать о знакомстве с Виктором. О том, как его, совсем молодого парня, умудрившегося распропагандировать целый полк белых, задержали и отправили на остров Мудьюг в концлагерь, куда я «загрел» из контрразведки. О том, как мы убегали, о наших мытарствах в лесах Архангельской губернии, о боевом пути пройденном совместно и даже о недавней женитьбе Виктора.

– Интэресный товарищ, я вам скажу, – раздумчиво сказал Сталин. – Ви не возражаете, еслы я вам саставлю кампанию? Ви знаете, гдэ здэсь госпитал?

Я лишь пожал плечами. Я вообще не силен в географии Львова, тем более что наш лагерь располагался в Винниковском лесу еще не ставшим пригородом, а уж тем более не являвшийся лесопарком. Так, зеленые насаждения вперемежку с хатами и кирпичными домами, где располагались конники Первой армии. Сюда меня привезли на автомобиле, а как ехать обратно на станцию, я даже не знал. Хотел заполучить у Буденного какой-нибудь транспорт, а тут вот командарм лечиться ушел, а я не успел.

– Ну, спросым у каго-нибудь, – подвел итоги товарищ Сталин. – А машина у меня ест, доедэм.

Я слегка замялся. Подумал, что хорошо бы Витьке какой-нибудь гостинец прихватить, но где его взять? Но Сталин, словно прочитав мои мысли, сказал:

– У меня в машине шоколад есть, Егоров откуда-та взял, его и подарим.

Глава третья. Мнение народа

Я честно пытался «проникнуться» чувством ответственности и гордости. Все-таки не часто доводится посидеть рядом с главным человеком двадцатого века. Да-да, я абсолютно уверен, что именно Сталин для моего поколения, а также для старшего и младшего является главным ориентиром, хотя не будь Владимира Ильича, о Сталине бы знало ограниченное число лиц, включая близких родственников и друзей. Возможно, он бы сделал карьеру священника, вполне мог достигнуть сана епископа, а то и Католикоса – патриарха Грузии, но, скорее всего, сложил бы голову в стычке с полицией или в перестрелке с какими-нибудь бандитами. Но коли история не имеет сослагательного наклонения, то не стоит гадать, что бы было, если бы было.

А я сижу рядом с товарищем Сталиным в кабине раздолбанного драндулета воняющего смесью спирта с соляжкой, с бочонком горючего и двумя запасками, занимающими половину салона, и не заморачиваюсь ни о своем месте в истории, ни об отношении истории ко мне. Просто еду и еду, благо, до госпиталя оказалось всего с полверсты. Еще меня удивило, что со членом РВС фронта нет охраны, а у самого товарища Сталина я не заметил никакого оружия. Впрочем, наган при нападении диверсантов поможет мало, а вот почему без охраны?

То, как я крутил башкой, высматривая сопровождение, не осталось без внимания.

– Я свайх кавалэристов отдахнуть отпустил, – пояснил член РВС. – В распоряжение войск бояться нечего.

Что ж, поверим на слово товарищу Сталину. Может, и впрямь бояться нечего, но я бы не рисковал.

– Владимир Иванович, ви, я слышал, предпочитаете передвигаться на бронепоезде? – поинтересовался вдруг Сталин.

Интересно, это он меня укоряет в барстве, намекая, что бронетехника на фронте нужна?

– Что железнодорожники дали, на том и передвигаюсь, – пожал я плечами. – Когда меня в Москву из Архангельска первый раз вызвали, попросил у железнодорожников паровоз и пару вагонов, а они мне бронепоезд дали. Подозреваю, что обычного паровоза жалко стало. Бронепоезд всем хорош, только скорость маленькая, и дров жрет много. – Чтобы Сталин не подумал, что я оправдываюсь, добавил: – На нашем севере воевать по железным дорогам ни с кем не планируется, бронепоезд все равно бы стоял. А так от него и польза, и я выгляжу солиднее, чем на самом деле.

Елки-палки, а ведь я уже начал оправдываться. И это уже не в первый раз. Все-таки есть определенное чувство вины из-за моего средства передвижения. Скромнее надо быть.

– Слышал, Троцкий у вас хател бронепоезд отнять, а ви нэ отдали?

– Не сам Троцкий, а его приближенный, – решил уточнить я, промолчав, что если бы Председатель РВС республики сам захотел забрать у меня бронепоезд, я бы отдал. Тем более, что чисто формально мой поезд числился на балансе Шестой армии.

– А пачему не отдали?

– Да жалко стало, – честно ответил я. – Привык я к нему, к бронепоезду, он мне теперь как родной. Я же в нем теперь и живу. А еще бы ладно, если мне взамен что-то дали: паровоз там да пару вагонов, а хоть и дрезину, я бы не стал ломаться. Это я в Архангельске большой начальник, а в Москве? Пока бы мне ВЧК транспорт «пробило», сколько бы времени ушло? А прямого поезда Москва-Архангельск до сих пор нет. У меня же с собой целая команда, и вообще, несолидно как-то особоуполномоченному ВЧК да еще и Председателю комиссии СНК на перекладных добираться – от Москвы до Вологды поезда раз в три дня ходят, потом от Вологды до Архангельска товарняки раз в неделю. Это же мне три недели ехать! Я бы и перекладные пережил, если бы конкретно знал, что бронепоезд на фронте нужен. Слова бы

не сказал, отдал. А когда пришли и сказали: отдавай, потому что он какому-то прихвостню товарища Троцкого приглянулся, шиш с маслом.

– Нэ любитэ Троцкого? – усмехнулся Сталин.

Я ненадолго задумался. Как здесь правильно ответить? Лев Давидович – не красная девица, чтобы его любить, а я не такая уж крупная фигура в нынешней политике, чтобы от моего отношения к Троцкому что-то изменилось. Впрочем, коль скоро Сталин меня слегка «прошупывает», а это так и есть, стану говорить правду.

– Сложно сказать, – осторожно начал я высказывать свое отношение к «Льву революции». – Я бы сформулировал так – остерегаюсь его идей. Особенно той, что касается мировой революции.

Я ожидал от Сталина очередного вопроса, «а вы товарищ Аксенов не верите в мировую революцию?», но автомобиль уже подъезжал к госпиталю – двухэтажному зданию с ионическими колоннами, вычурным фасадом и шпилем, но с облупившейся штукатуркой и окнами, половина которых была забита фанерой вместо стекол. О том, что это именно госпиталь, говорил белый флаг с красным крестом.

Мне даже не пришлось искать комиссара Спешилова. Виктор обнаружился в курилке среди группы выздоравливающих бойцов. Комиссар хоть и опирался на костыль, но выглядел бодрым. Спешилов, как и я, некурящий, и в курилке находился чисто по делу: как и положено бойцу идеологического фронта, читал вслух больным передовицу какой-то газеты, возможно, что нашей главной – «Правды».

– В ответ на ноту британского министра иностранных дел Керзона о том, чтобы Советское правительство немедленно заключило перемирие с Польшей и отвело войска от линии, временно установленной на Мирной конференции в качестве восточной границы, до которой Польше было предоставлено право учреждать свою администрацию, народный комиссар иностранных дел РСФСР товарищ Чичерин заявляет, что Советское правительство согласно начать мирные переговоры с Польшей, если та непосредственно обратится к нему с подобным предложением. Но Советское правительство отказывается рассматривать правительство Британии в качестве посредников, потому что между Советской Россией и Британией не существует дипломатических отношений.

– Слышь, комиссар, а что такое «нота»? – поинтересовался один из слушателей – плюгавый мужичонка в несвежем больничном халате и широченных галифе.

– Не «слышь, комиссар», а товарищ комиссар, – строго поправил Виктор бойца. – Понял?

– Понял, товарищ комиссар, – покладисто согласился тот.

– И как надо спрашивать? – не унимался Спешилов.

– Товарищ комиссар, разрешите обратиться? – послушно исправился красноармеец в халате, а дождавшись разрешения, спросил: – Что такое «нота»?

– Товарищ комиссар, так мы же не при старых порядках, – взмолился еще один боец, но уже в нормальной гимнастерке.

– Порядки новые, а дисциплина – старая, – отозвался Виктор. – Боец Красной армии должен вначале спросить разрешения, а уже потом задавать вопрос. Отвечаю, что нотой именуют ультиматум, то есть, требование.

Мы с товарищем Сталиным переглянулись и почти одновременно показали другу другу большой палец. Молодчага товарищ дивизионный комиссар Спешилов, дисциплину блюдет. Боевое товарищество штука хорошая, но панибратства с подчиненными быть не должно. А еще Виктор молодец, что не тушуетя и не стесняется того, что попал в госпиталь не из-за вражеской пули, а из-за своей. Это дорогого стоит.

– Ваш друг не из бывших офицеров? – тихонько поинтересовался Сталин. Но посмотрев на Виктора повнимательнее, уточнил: – Может, из юнкеров?

– Не, Спешилов потомственный пролетарий, – ответил я, слегка гордясь лучшим другом. – Он с четырнадцати лет на паровозе в кочегарах ходил, до революции мечтал помощником машиниста стать.

Между тем, страсти накалялись.

– А пуцай этот Керзон у бабы своей требует! Мы что, зря кровь проливали? Надобно нам и Варшаву брать, едрит ее на мыло, – взъерепенился мужичонка в халате, однако остальной народ его не поддержал. Один из красноармейцев, на чьей кое-как зашитой гимнастерке еще виднелись бурые следы крови, убежденно сказал:

– А может и стоит с Польшей замирииться. Панам холку намылили, так теперь и хватит. Тебе, Евдоким, персонально – нахрена Варшава нужна?

Евдоким призадумался на миг, потом махнул рукой, словно саблей рубанул:

– Так мне и Львов-то ни на хрен, ни на два хрена не нужен, а не то, что Варшава. Я говорю – коли начали ляхов дрючить, надо и дальше их гнать, чтобы неповадно было. Угнать их куда-нить к синему морю, чтобы сидели на жопе и к нам не лезли, тогда и домой можно. Я с ляхами еще в германскую рубился, вот тут же, неподалеку, когда мы в четырнадцатом году австрияков драли.

Хм, а этот дядька лишь выглядит плюгавеньким, а сам, судя по ухваткам – бывалый кавалерист, а может, даже потомственный казак. Попадешься такому в поле, разрубит от плеча до того места, откуда ноги растут.

– Я тоже с австрийцами воевал и с германцами, – осадил Евдокима буденовец в драной гимнастерке. – Но так скажу – дали полякам жару разок-другой, так и хватит пока. Надо будет – еще вломим по первое число, а теперь бы домой пора.

Прочий народ, заслышав слово «домой», радостно загудел.

– Товарищи красноармейцы, придется еще немножко потерпеть, – примирительно сказал комиссар Спешилов. – Дольше ждали, чуть-чуть осталось. Вот, с поляками перемирие заключим, тогда и о доме разговаривать станем.

А молодец Витька, что не дает пустых обещаний. Он же не сказал – мол, по домам пойдете, а выразился осторожненько. И тоже правильно. Скажи он бойцам, что по домам пойдут после победы над Польшей, они же ему потом и припомнят. А Первой конной еще Перекоп брать, Врангеля к морю гнать, а потом Махно громить.

Мы с Иосифом Виссарионовичем внимательно слушали. Все-таки, глас народа – это глас божий. Может, еще что-нибудь интересное услышим? Но красноармейцы каким-то нюхом учуяли, что неподалеку стоит большое начальство, запереглядывались и начали расходиться. Правильно делают. Я бы и сам на их месте сделал ноги. Подальше от начальства – здоровее будешь.

– Товарищ комиссар, а это до вас, – кивнул Евдоким Виктору на нас и тоже поспешил исчезнуть.

Спешилов, увидев своего непосредственного начальника, слегка опешил, но быстро взял себя в руки – особым чинопочитанием Виктор никогда не страдал, да и время еще не то, чтобы подчиненные приседали в присутствии руководства. Но все-таки где-то глубоко в душе у Витьки сидел офицер-строевик.

– Здравия желаю, товарищ член Революционно-военного совета, – поприветствовал дивизионный комиссар Сталина, пытаясь встать по стойке смирно, но помешали костыли. Увидев меня, комиссар вытаращил глаза. Кажется, он сейчас ляпнет: «Вовка, а ты как здесь оказался?»

Товарищ Сталин чинно пожал руку комиссару, я последовал его примеру. Но не удержался, обнял Спешилова.

– Только, поосторожней, – слегка поморщился Витька. – У меня ногу штыком пропорол, да два ребра сломано. А так – полная фигня.

– Ви маладец, таварыш Спэшилов, – похвалил Сталин комиссара, а потом, усмехнувшись в усы, вытащил из кармана шоколадку: – Владимир Иванович гаварил, что ви шоколад любите.

Про то, что Спешилов любит шоколад, я товарищу Сталину не говорил, хотя Витька и на самом деле очень любит шоколад. Впрочем, а кто его не любит?

Член РВС фронта посмотрел на нас, потом сказал:

– Ви, таварышы, пообщайтэс, нэ буду мешат.

Мы хотели возразить – мол, и вовсе вы нам не мешаете, но Иосиф Виссарионович лишь улыбнулся и пошел в госпиталь. Возможно, хотел посмотреть – как здесь заботятся о раненых.

Виктор кивнул на бревно служившее скамьей, мы уселись.

– Тебя сюда каким ветром занесло? – поинтересовался комиссар, а когда я сделал неопределенно-благодостное выражение лица, кивнул с пониманием: – Ясен перец. Секрет.

– В России все секрет, и ничего не тайна, – вспомнил я классика.

Спешилов хмыкнул:

– Значит, это ты высокий начальник, что над Семен Михалычем приехал вершить суд и расправу?

Солдатское радио работает не хуже, чем сарафанное, только порой еще быстрее и точнее. Потому, сильно запыраться нет смысла, и я отмахнулся:

– Суд был, а расправы нет.

– Апанасенко сняли, может, и меня надо снимать? – поинтересовался Виктор.

– О тебе речь вообще не шла. Поговори с товарищем Сталиным – мол, снимите с дивизии, дайте бригаду либо полк, – предложил я. – Хочешь, я сам с ним поговорю?

– Не надо, – помотал нестриженной головой Спешилов. – Я уйду, кто-то другой придет, а ему придется всю грязь разгрэбать. Нет уж, коли взялся, то до конца пойду. Скажи-ка лучше, как там Архангельск?

– Когда уезжал, на месте стоял, – пожал я плечами. – Но я уже сам больше месяца дома не был, может, что и случилось – Северная Двина из берегов вышла, белые медведи напали... Ну, если бы интервенты напали, ты бы уже знал. А если не слышал, значит никто не нападает.

Спешилов вздохнул.

– Да не вздыхай так тяжело, – успокоил я парня. – Война скоро закончится, вернешься ты к своей Анне. Ты же еще свадьбу «зажал», помнишь?

Виктор опять вздохнул.

– Комиссар, да ты что вздыхаешь? – удивился я. – Какой пример личному составу подаешь? Может, завел себе кого-нить, а теперь харе стыдно? Так не переживай, сам не проболтаешься, никто не узнает. – Комиссар продолжал молча вздыхать, и я усилил напор. – Давай, колись. Что у тебя стряслось?

Наконец-то храбрый комиссар сумел выдавить из себя:

– От Аньки только одно письмо за все время пришло. Может, она уже замуж без меня вышла? Я-то ей почти каждую неделю пишу, а все письма куда-то идут, словно в камский мох.

– Вить, ты что, ошалел? – с удивлением воззрился я на друга. – Ты что, не помнишь, как у нас письма ходят? Мне служебные депеши по неделе идут с фельдъегерской связью, а уж обычная-то почта... Если пешком идти, так быстрее будет. Наверняка в Москве, на почтамте, целая груда писем лежит.

– Думаешь? – робко поинтересовался комиссар.

– Вить, стопудово. Меня когда на польский фронт вытащили, Анна хотела вместе со мной ехать. Но вишь, я же не знал, куда отправят – на Западный фронт или на Юго-Западный. Да и не хотелось девчонку на фронт тащить, мало ли что.

Спешилов воспрянул духом, а я мысленно вздохнул – надо было взять письмецо у Анны, оставил бы в Москве. Вот, недодумал.

– Слушай, Володя, – поинтересовался комиссар. – Ты когда обратно поедешь?

– В Москву отправляюсь прямо сегодня, а уж когда в Архангельск вернусь – про то только Совнарком ведаёт, да Феликс Эдмундович.

– Может, ты из Москвы Аньке шоколадку как-нибудь перешлешь? – спросил Виктор, вытаскивая из-за пазухи плитку. – Скажешь, что от меня. Аня уж очень шоколаду хотела, а я и купить не смог, не нашёл.

– Кхэ, кхэ, – раздалось над головой нарочито громкое покашливание. Оказывается, мы не заметили, как подошел Сталин. – Товарищ Спешылов, праститэ, что стал нэвольным свидетелем ваших последних слов. Нэ волнуйтесь, я дам Владимиру Ивановичу шоколадку для вашэй дэвушка. А эту ви, пожалуйста, скушайте сами.

Когда мы возвращались обратно, я невольно ждал продолжения разговора начатого Сталиным.

– Товарищ Кузлевич, остановысь минут на пять, – приказал Сталин водителю, а когда тот послушно заглушил машину, сказал: – Ви посидите пока, а мы с товарищем Аксеновым пройдемся.

Я послушно вышел из автомобиля, и мы пошли.

– Владимир Иванович, как ви считаете, нужен ли Советской России польский поход? – спросил Сталин.

– Не нужен, – твердо ответил я, прекрасно помня, что в *той* истории против похода из членов Политбюро возражало лишь два человека – сам Сталин и Радек. Но, увы, их мнение разбилось об авторитет такой «глыбы», как Троцкий, и примкнувших к нему Каменева, Зиновьева и Бухарина, а также самого товарища Ленина.

– Ви нэ верите в победу мировой революции? – задал-таки Иосиф Виссарионович тот вопрос, которого я боялся. Я же не просто не верил, что мировая революция невозможна, а твердо знал, что ее не будет, и все достижения социализма завершатся в декабре тысяча девятьсот девяносто первого года с распадом СССР. Нет, у меня нет ностальгии по Советскому Союзу, хотя и прожил в нем двадцать лет с хвостиком, но порой кажется, что все бы могло быть иначе... Потому я ответил так:

– Верю. Но только не сейчас, а когда-нибудь позже. Нам бы в России порядок навести, народ накормить.

– Савершенно с вами сагласен, – кивнул Сталин. – И многие, если нэ большинство, наших товарищей тоже нэ верит. Может быть, только товарищ Троцкий в нее вэрит. Ну а еще немножка товарищ Ленин. Но Владимир Ильич слишком доверяет расхожим суждениям, а еще – товарищу Троцкому. Хотя, как и многие, очень опасается Троцкого в роли диктатора.

– Тогда в чем смысл? – удивился я. – Если члены Политбюро не верят в польский поход и мировую революцию, то ради чего отправлять на смерть тысячи красноармейцев?

– А ви падумайте, Владимир Иванович, – мягко посоветовал Сталин. – Как гаварят – умному дастаточно. А ви человек очен умный.

И я примерил на себя эпитет «умный». Значит, члены Политбюро опасаются Троцкого в роли диктатора. А как он может им стать? Да очень просто – если идея мировой революции претворится в жизнь. Авторитет Троцкого, и без того немалый, подскочит до такого уровня, что сможет потеснить и авторитет самого Ленина, а сам Лев Давидович со второго места в иерархии переместится на первое. А кто скажет хоть слово, если за спиной Троцкого трехмиллионная армия, готовая сковырнуть всех и вся? Это вам даже не гвардейские полки менявшие на русском престоле императоров. Но как этого не допустить? Да очень просто – довести идею до маразма. И вот тут до меня дошло – весь польский поход и затеян ради того, чтобы он провалился, а товарищ Троцкий, получив мощный щелчок по лбу, умерил свои аппетиты. А то, что при неудаче погибнут люди, что ж тут такого? Люди, по мнению товарищей из Политбюро – это расходный материал.

– Кажется, понял, – проговорил я. – И могу твердо сказать, что товарища Троцкого я не люблю. А еще всех прочих, кто свои шкурные интересы поставил выше человеческих жизней.

– А уж как сам Троцкий вас тепэр не любит, ой-ой, – усмехнулся Сталин. – Но ви эта переживете, паверьте мне. Бог нэ выдаст, Троцкий нэ съест.

Глава четвертая. Нападение

От пригорода, где разместились шестая дивизия Первой конной, до вокзала расстояние вполне приличное, но в двадцать первом веке мы одолели бы его за полчаса, а теперь нам потребуется четыре, если не пять. Вымощенная булыжником дорога была когда-то хорошей, но с течением времени прохудилась – какие-то камни «выперло», какие-то вообще отсутствовали. Наша «Антилопа-гну» (как еще обозвать автомобиль неопределенной марки с кабиной без стекол, если его водитель Кузлевич?) то подскакивала на колдобинах, то проваливалась в какие-то ямы, из-за чего ее скорость приближалась к средней скорости пешехода, но уж никак не автомобиля, пусть даже и ретро.

Подозреваю, что здание госпиталя – некогда пафосное, напоминавшее загородную резиденцию, а ныне пребывавшее в упадке, равно как и дорога, принадлежали когда-то австро-венгерскому магнату, некогда процветавшему, а потом пришедшему в захирение. Скажут потом, что во всем виноваты русские – они и стены состарили, и хозяйственные постройки разрушили и даже привели в негодность дорогу, выковыряв из нее булыжники для собственных нужд.

– Вам непрэмэнно нужно уехат сегодня? – поинтересовался Сталин.

Не иначе собирается пригласить меня в гости? Что ж, я бы с удовольствием сходил, но как-нибудь в другой раз. У меня там народ в броневанагах мыкается, а я им обещал отдых дать.

– Львовские железнодорожники моему начпоезда сказали, что этой ночью у них появится «окно» – пояснил я. – Завтра и послезавтра на дороге график напряженный – все будет забито эшелонами и туда, и обратно. В Бродах нынче вообще завал, не успевают эшелоны выпускать на Львов. Сюда ждут составы с продовольствием, а обратно раненых отправляют, которых на месте лечить нельзя, какую-то технику. Вроде, целый состав «трехдьюмовок» собираются в Москву отправить. Я и решил, что пока есть возможность, нужно ехать, чтобы во Львове на неделю не застрять. Поручение товарища Ленина я выполнил, личный доклад может и подождать, но мне бы еще свои дела порешать.

– А «зеленую улыцу» объявят не хатите?

– Для «зеленой улицы» я еще носом не вышел, – усмехнулся я. – Я ж не командующий фронтом, не член ЦК, и не Председатель ВЦИК, а только порученец, пусть и с некоторыми полномочиями. Да и неприлично выйдет, если из-за меня санитарные эшелоны задержат.

Сталин ничего не ответил, только пожал плечами. Не то похвалил за скромность, не то за нее же и осудил – понимай, как хочешь. Не знаю. Но думаю, все-таки не осудил.

Иосиф Виссарионович вытащил из кармана трубку, набил табаком, но из-за тряски спички либо ломались, либо гасли и, так и не сумев раскурить, буркнул что-то неразборчивое и убрал носогрейку обратно в карман.

– Мы па дароге заедэм ко мнэ, эта недалеко от вокзала, – сказал товарищ Сталин и усмехнулся. – Я обэщал комиссару, что передам для его жены шоколад.

Хотел сказать, что Анька Спешилова и без шоколадки вполне может обойтись. Зачем мне лишняя головная боль, из-за какой-то вкусной и сладкой плитки? Сталин-то гостинец для Витькиной жены передаст, а как мне его в Архангельск отправить? По почте не рискну, если только с оказией. Как бы еще эту оказию отыскать?

Впрочем, вслух ничего говорить не стал. Уж если Сталин пообещал отправить девушке шоколад, пусть отправляет, а я придумаю, как доставить. Елки-палки, я же могу из Москвы курьера послать прямо в Архангельск. И повод есть – нужно отправить в управление новые бланки документов. А если что – пошлю человека и без всякого повода, с одной шоколадкой. Нехай, уж раз-то в жизни можно воспользоваться служебным положением. Тем паче, что забота о душевном состоянии политического состава РККА – прямой долг советского чекиста.

Сталин отчего-то не стал расспрашивать меня об аресте Тухачевского. Видимо, общую картину знал, а детали его не интересовали.

Постепенно, наш разговор со Сталиным сошел на нет. Сказывалась усталость, накопившаяся за последнее время, да и совещание легким не назовешь. И хотя машину бросало вверх-вниз, водило из стороны в сторону, но мы с товарищем членом РВС Юго-Западного фронта слегка подремывали, просыпаясь лишь на самых крутых рытвинах. На одной колдобине, где нас тряхнуло так, что я прикусил язык, а Сталин, ударившийся о сиденье водителя, пробурчал под нос «*бозишвили*», обращаясь непонятно к кому – не то ко мне, не то к водителю, хотя ни я, ни Кузлевич не виноваты. Наверное, так бы и продремали, если бы вдруг об машину что-то не стукнулось.

Я решил, что в нас либо кинули камнем, либо сдуру влетела какая-то птица, но Кузлевич истошным голосом заорал: «Засада!», надал газу и, только тут до меня дошло, что это была пуля. Вторая пуля сбила фуражку с товарища Сталина.

– Твою мать! – выругался Сталин по-русски без малейшего акцента.

Следом за нами неслись человек восемь, а то и десять верховых азартно обстреливая машину из всего, что стреляет. Кто такие – белополяки, буденовцы-мародеры или простые бандиты, непонятно, да и не существенно. Судя по всему, они «охотились» не на главной дороге, а где-то рядом и заметили добычу, когда автомобиль уже проехал изрядное расстояние, а иначе нам бы уже пришел трындец. И слабое утешение, что Иосифу Виссарионовичу еще предстоит стать Генеральным секретарем коммунистической партии и генералиссимусом СССР и, стало быть, он никак не должен погибнуть во время советско-польской войны тысяча девятьсот двадцатого года. В *моей* истории Красная армия Львов не взяла, а буденовцы не околачивались в пригородах польского города, а в *этой* все может пойти иначе.

– Кузлевич, гони! – рявкнул Сталин, хотя водитель и так гнал, что есть мочи.

«Антилопа-гну» уже неслась с изрядной скоростью, но всадники настигали. Пока нас спасало, что дорога шла через старое кладбище, куда лошадям нет хода – массивные гранитные склепы, обелиски, скорбящие ангелы и просто холмы с православными крестами преграждали дорогу похлеще засек былых времен сооружаемых против татарской конницы на Руси. И конникам нас не объехать, но и нам не свернуть и не принять бой, в котором бы и мой браунинг пригодился. Все-таки их не сто человек, а только восемь, надежда есть. Но все до поры и до времени – сейчас бандиты выберут место поровнее, где лошади не собьют копыта, не поломают ноги, всадники рассыплются и, охватывая нас по дуге, сомкнут кольцо. Сейчас бы нам пулемет или хотя бы винтовку, а палить из браунинга с расстояния в двести метров, смысла нет. Эх, товарищ Сталин, какого же... горького корнеплода ты охрану свою отдыхать отпустил?

А товарищ Сталин, между тем, хладнокровно вытащил из-под пассажирского сиденья карабин, стащил с него чехол, передернул затвор и выстрелил.

Ух ты, какой молодец! Нет, не зря писали в биографиях Иосифа Виссарионовича, что в Туруханском крае он занимался рыболовством и охотой. Не зря. С первого же выстрела завалил лошадь вместе со всадником. Мне показалось, что нападавшие слегка снизили темп или машина пошла немного быстрее? Впрочем, стрелять по нам бандиты не перестали. И хотя сидя на коне и винтовку-то в руках держать тяжело, а уж тем более целиться, но кое-какие пули попадали в машину, а парочка даже срикошетила от бочки. От бочки?!

– Товарищ Сталин, бочку долой! – проорал я, пытаюсь приподнять край железной емкости, а член РВС мгновенно понявший в чем дело, оставив карабин, ухватился за второй край.

Машину трясло, тяжелая бочка срывалась, зараза такая, отдавливая пальцы, но мы сумели-таки приподнять ее и выкинуть за борт, благо, стекло в кабине нет.

– Держи, – сказал Сталин, переходя на «ты», всовывая мне в руку невесть откуда взявшуюся гранату.

Я бы еще разок его похвалил за предусмотрительность, да времени нет.

Так. Зашелка с торца, кольцо с рукоятки... Бочка с горючкой еще прыгала, а моя граната ее уже догоняла. Четыре секунды... Раз. Два. Три. Четыре. Есть!

Грохот разорвавшейся гранаты слился с громом взорвавшегося бочонка с горючим, полыхнуло пламя, от боли закричал один из бандитов, отчаянно заржали кони. Нас обдала волна горячего воздуха, слегка прижигая спины и затылки.

Сталин, матерясь сквозь зубы, выискивал просветы между языков пламени и струи дыма, палил из карабина.

– Наши! – заорал Кузлевич и тут же затих, наваливаясь на баранку. Все-таки какая-то пуля сумела прорваться сквозь дым и пламя.

Я рванулся вперед, перехватил руль у умирающего водителя, выравнивая машину, а нас уже «обтекали» кавалеристы со звездами на фуражках и немногочисленных буденовках, устремляясь на бандитов. Не то появилась отдохнувшая охрана товарища Сталина, не то привлеченный выстрелами дозор.

Кузлевич ли перед смертью нажал на тормоз, кончилось ли горючее, но «Антилопа-гну» остановилась, а я понял, что застрял между сиденьями, а в бок впились что-то жесткое.

– Вот ведь, Владимир Иванович, угораздило же тебя... – прокряхтел товарищ Сталин, помогая мне выбраться. Подняв с пола собственную фуражку, поднял ее вверх и, грустно разглядывая сквозь дырку в тулье вечернее небо над Львовом, заметил: – Новая фуражка была. И трех лэт в ней нэ проходил.

Удивительное дело. В спокойной обстановке у Сталина появился грузинский акцент, хотя должно было быть наоборот. По крайней мере, у моих знакомых грузин дела обстояли именно так – в обычной жизни акцент почти незаметен, но, если случалась нервная ситуация, звуковые особенности родного языка прорывались наружу даже у тех, кто прожил десятки лет в России и брал уроки у лучших логопедов. Все же у носителей разных языков и лицевые мышцы работают по-разному и дыхание при произношении звуков разное. И если в спокойной обстановке человек может себя контролировать, то в стрессовой это делать сложно, почти нереально. Тут еще можно вспомнить радистку Кэт, собиравшуюся во время родов кричать «мама» по-немецки, чтобы не выдать свое истинное лицо.

Как это часто бывает, по минованию опасности, народу, желавшего повоевать, изрядно прибавилось. Со стороны пригорода прискакали бойцы шестой дивизии, доложившие, что банда численностью в тридцать сабель полностью уничтожена.

Мы с товарищем Сталиным только переглянулись. Не знаю, откуда взялось тридцать, но пусть будет. Может, кто-то из командиров еще и представление напишет на особо отличившегося бойца, спасшего жизни члену Политбюро и личному порученцу товарища Ленина?

Кто-нибудь из читателей скажет – не верю. Мол, такое спасение может быть только в кино. Спорить не стану, а в свое оправдание приведу лишь один аргумент: мы с товарищем Сталиным живы, а верить или нет – ваше право.

Тело Кузлевича переложили на заднее сиденье, а мы с Иосифом Виссарионовичем уселись вперед. Я думал, что доведу машину до Львова, но горючка и на самом-то деле закончилась, может, бак пробили, может еще что. Решил, что придется добираться верхом, но бойцы нашли изящный и необычный выход – в автомобиль впрягли двух лошадок, а мне оставалось только крутить баранку.

После всего случившегося мы со Сталиным ощущали себя если не друзьями, то боевыми товарищами.

– Иосиф, – протянул мне товарищ Сталин руку.

– Владимир, а можно просто – Володя, – отозвался я, протягивая Сталину правую руку и стараясь справиться одной левой. Поверьте, без гидросилителя руля управлять автомобилем довольно сложно, хотя дорога и шла почти по прямой.

Лестно, разумеется, когда такой человек, как товарищ Сталин, предлагает обращаться к нему по имени, но...

Водрузив правую руку обратно на руль, я сказал, после некоторой заминки:

– Только, вы не обидитесь, если я вас по-прежнему стану называть товарищ Сталин? У меня язык не повернется называть по имени человека, который старше меня и по возрасту, и по опыту. И вообще...

– Как хотите, Володя, – пожал плечами Сталин, хотя мне показалось, что он немного обиделся.

– Иосиф Виссарионович, только вы-то меня на ты называйте, – попросил я. – Вам можно. Да и мне приятнее, если на ты и по имени.

– Как скажешь, – усмехнулся Сталин. Посмотрев на меня, сказал: – Только не обессудь Володя, если на официальных мероприятиях стану называть тебя на вы и по имени – отчеству.

– На официальных, это само – собой, – кивнул я.

Конечно, переживу. Кстати, либо я уже привык к разговору, либо у Иосифа Виссарионовича снова исчез акцент? Все страньше и страньше.

Товарищ Сталин откинулся на сиденье и слегка прикрыв глаза негромко запел. Пел он хорошо – а какой грузин поет плохо?

– Сакварлис саплавс ведзебди,
Вер внахе дакаргуликхо,
Гуламосквнили втироди:
«Сада хар чемо Сулико»!

Послушав и уловив по мотиву, что эта песня о прекрасной девушке угнанной в османскую неволю, я принялся подпевать, стараясь петь потише:

– Увидал я розу в лесу,
Что лила, как слезы, росу.
Ты ль так расцвела далеко,
Милая моя Сулико?
Ты ль так расцвела далеко,
Милая моя Сулико?

Вот так вот, под двухголосое пение «Сулико» на двух языках мы въехали в город Львов. Утром, когда я сюда приехал, а меня повезли в расположение шестой дивизии, времени и желания рассматривать город не было. А зря, между прочем. Львов – красивейший европейский город. Чем-то он напоминал Прагу, а может Вену или какой-нибудь другой европейский город, но у него есть свои неповторимые черты – барокко соседствует с ренессансом, готические соборы стоят неподалеку от православных храмов, помпезные здания, выдержанные в «казарменном» стиле эпохи Габсбургов «трутся» о современные постройки конца прошлого, то есть девятнадцатого века. Даже артиллерия Юго-Западного фронта, изрядно поработавшая накануне прорыва Красной армии, не смогла нанести существенных разрушений, хотя опытные архитекторы и считают, что лучшее средство внести изменения в архитектурный облик города – это хорошая артподготовка.

Я опасался, что наше транспортное средство вызовет нездоровое любопытство и насмешки, но нет. Народ не косился, смеха я тоже не слышал. Похоже, здесь никого не удивлял автомобиль запряженный лошадьми. А может, гарцевавшие вокруг нас вооруженные до зубов кавалеристы отбивали у зевак охоту шутить?

– Володя, притармози, – попросил меня Сталин, когда мы проезжали мимо одного из домов. К слову сказать, довольно скромного. Судя по красному знамени на крыше – это и есть политотдел Юго-Западного фронта, в котором его сотрудники и работали, и жили.

Легко сказать, притормози. А как мне это сделать, если у меня нет поводов? Пришлось прибегнуть к «звуковым сигналам». К моему удивлению, заслышав «Тп-рру», кони встали. Ишь, получилось.

– Володя, я сейчас за шоколадкой схожу для жены комиссара, а ты здесь падажди. Я бы тебя пригласил, чтобы по маленькой выпить, но раз ты человек непьющий, то приглашать не стану, – улыбнулся товарищ Сталин, а потом кивнул на здание: – И нэ хочу товарищей пугать. Услышат, что сам Аксенов приехал, из окон начнут выкидываться.

Вот какая у меня репутация. Не знаю даже, радоваться или огорчаться. Но ни переживать, ни радоваться не стану, а восприму все, как есть. А потом произошло то, чего со мной никогда прежде не происходило – мне вдруг захотелось выпить. Вроде, бывали переделки и пострашнее, но такого желания снять стресс никогда не возникало, а здесь...

Опасаясь, что Сталин развернется и уйдет, торопливо сказал:

– А знаете, товарищ Сталин, я бы сегодня выпил. Немножко.

– А «множко» я не налью, только по рюмочке, – усмехнулся Иосиф Виссарионович, кивая на здание РВС. – Давай, выходи.

Открывая дверцу кабины, я спросил:

– А как же товарищи? Если начнут из окон выскакивать?

– И хрэн с ними, пуст выскакывают, – совершенно серьезно отозвался Сталин, помогая мне выйти из машины. – Убьется какой дурак, пахароным.

Глава пятая. Те же и Берзин

Бронепоезд уходил от Львова, который я так и не осмотрел. Жаль, конечно. Впрочем, коли в *этой* истории мы его полякам не отдадим, то приеду специально на экскурсию, если появится время, и партия с правительством позволят. А нет, то уж как-нибудь переживу. Наверное, лучше бы Львов отдать обратно полякам. Чует мое сердце – хлебом мы с ним горя. Нет, украинским национализмом тут не пахнет, какой может быть национализм, если большинство горожан составляют представители других наций? Олесь Бузина, Царство ему Небесное, говорил, что нет ничего глупее, как считать Галичину украинским Пьемонтом, или родиной украинского национализма.

По дороге во Львов я умудрился раздобыть данные переписи тысяча девятисотого года. К слову, провели ее еще при Австро-Венгрии, а материалы опубликовали и на русском языке. Так вот, во Львове на тот год проживало восемьдесят пять тысяч поляков, сорок пять тысяч евреев, пять тысяч немцев и двадцать тысяч русинов, а всего в Австро-Венгрии проживало четыре миллиона русинов – восемь процентов населения империи (например, поляков было немногим больше – пять миллионов). Русины, как я полагаю, это те, кто нынче именуется украинцами? Или я что-то напутал? Впрочем, не суть важно. Вряд ли за двадцать лет ситуация изменилась. Но если во Львове большинство населения составляют поляки, то оставь мы его себе, постоянно следует ждать пакости со стороны «титального» населения. А Польша наверняка станет подогревать эту напряженность. Оно нам нужно? Есть, разумеется, вариант, при котором мы обеспечим лояльность жителей, но я его озвучивать не стану. Впрочем, не мне о том беспокоиться, есть головы поумнее.

Народ отдыхал. Красноармейцы, которых комвзвода держал в ежовых рукавицах, отошли ко сну. Сотрудники погуляли по городу, поднабрались впечатлений, а похоже, что чего-то еще – «сухой закон» тут не действовал, сидели тихонечко, боясь показаться мне на глаза и делали вид, что кроме чая ничего в рот не брали, а я делал вид, что им верил. Довольная Танька в штабном купе грызла шоколадку. Не подумайте, что я «замылил» подарок товарища Сталина Анне Спешиловой, все честно.

Верно, читатель ждет описания посиделок с товарищем Сталиным? Увы и ах. Я бы и сам с удовольствием описал, как мой «реципиент» Володя Аксенов сорвался и после пары рюмок на пару со членом РВС фронта пустился в пляс, распевая матерные частушки, потом отловил не успевшего удрать Склянского и утопил-таки его в ближайшей луже. Но не судьба. Как говорят – обломидзе. Ни пьянки, ни даже выпивки не получилось. Видимо, что в *той*, что в *этой* истории мне предстояло оставаться трезвенником, но я от этого не страдаю. Ладно, все по порядку.

Когда мы с товарищем Сталиным поднялись на второй этаж и вошли в его комнату – кровать, пара стульев, письменный стол и тумбочка, мой старший товарищ, предложив сесть, ринулся доставать «зачатку».

– Странна, – хмыкнул Сталин, открывая дверцу тумбочки и проверяя ее внутренности. – Здэс утром стояла бутылка водки.

На всякий случай Иосиф Виссарионович проверил ящики письменного стола, обшарил карманы шинели, висевшей на гвозде, и даже заглянул под кровать.

– Странна, – повторил Сталин, вытаскивая на свет божий три шоколадки. – Шоколад здэс, а водки нэт. Еслы кто-та чужой, то он взял бы и шоколад, да?

У Иосифа Виссарионовича снова прорезался грузинский акцент. Видимо, он нервничал, но ситуация, хотя и неприятная, но не критическая.

Тут в дверь постучали и не дожидаясь ответа в комнату вошел человек – на вид, старше меня лет на десять, с оттопыренными ушами и выпученными глазами. Он стоял на ногах достаточно твердо, но опирался на стенку.

– Т-тофариц Ст-талин, фы меня исфинит-те, – сказал незнакомец, слегка заикаясь. – Т-тофариц Складский пыл оч-чень сол, п-патаму хател фыпить, а когда у меня фсе кончилось, я решил, что могу уг-гастить замест-тителя тофарица Троцкого фашей фоткой. Я фам фсе фозмещу, но зафтра.

Судя по акценту, данный товарищ прибалт. Ба, так это же товарищ Берзин. Как там его по имени-отчеству? Кажется, Рейневан Исакович? Или Иосифович? Нет, Рейневан это не про него, но отчество точно Иосифович³. Он, как помню, коллега Сталина – второй член Революционного Военного Совета Юго-Западного фронта. Именно Берзин в *той* истории под давлением Складского подписал приказ о выдвижении Первой Конной армии на спасение Западного фронта. Фронт спасать было уже поздно, но Буденный по крайней мере сумел вывести армию к своим не позволив ее разгромить или интернировать, как это случилось с корпусом Гая или пехотными дивизиями.

Сталин мрачно посмотрел на Берзина.

– Товарыш Берзын, а вам не кажется, что это большое свинство с вашэй стараны – вайты в чужую комнату, взят бэз спроса чужую вэш, хотя би и водку? В ссылкэ за такое морду били.

Интересно, а что будет, если Сталин перейдет от слов к делу? Разнимать? Вообще, я Иосифа Виссарионовича понимаю. То, что совершил коллега, это не просто свинство, а свинство в квадрате. Так что, если Сталин начнет лупить Берзина, я ему не стану мешать, но если латыш даст отпор, вот тогда и начну разнимать. Ну, или Берзину слегка добавлю. Двое на одного – не совсем честно, но как пойдет.

– Т-тофариц Ст-талин, федь я же исфинился п-перед фами? – удивленно вытаращил Берзин и без того выпученные глаза. – Я же скасал, что фсе фосмещу, только заффтра. П-патумаешь, фотка.

Все-таки я решил отвлечь Сталина от рукоприкладства. Спросил:

– А что так рассердило товарища Складского?

Наверное, в иное время и в других обстоятельствах Берзин не удосужился бы ответить незнакомцу, тем более делиться соображениями касательно второго лица Красной армии. Латыши народ вообще немногословный, тем более, если что-то касается служебных дел. Но сейчас тот ответил:

– Т-тофраца Складского рассертил молодой н-наглец, люпимчик Ленина, не п-пожелавший прислушаться к мнению старших, полее опытных товарищей.

– Молодой наглец? И только? – сделал я удивленный вид, а Сталин несмотря на плохое настроение слегка улыбнулся.

– Н-не т-только. Т-тофариц Складский п-получил т-телеграмму от тофарица Троцкого о том, что п-равительсфо решило начать п-переговоры о перемирии с Польшей, и его срочно фызыфают в Москву.

А вот это уже интересная новость. У меня изначально имелось предположение, что Складский собирался поговорить с комфронта Егоровым о том, чтобы перенацелить Юго-Западный фронт на Варшаву, на помощь Западному фронту, где сложилась странная, если не сказать патовая ситуация: исполнявший обязанности командующего фронта товарищ Шварц не пожелавший развивать наступление Красной армии продолжал укреплять позиции, готовясь к позиционной войне. В свою очередь, польская армия, уже нацеливавшаяся на наш левый фланг, оставшийся, по данным оффензивы, без прикрытия и имевший зазоры между подразделениями, наткнулась на свежие полки РККА, подтянутые из резерва и усиленные артилле-

³ Точно. Рейневан – это у Сапковского, а Берзина звали Рейнгольд Иосифович. Тоже некруглое имя.

рией, из-за чего пропал безудержный порыв польских (вернее, французских танков), которые Пилсудский приказал кинуть для расширения брешы. Получив по мордам и потеряв половину бронетехники, польская армия остановилась, принимаясь окапываться и устанавливать оборонительные сооружения.

Кажется, в шахматах такая ситуация именуется цугцвангом? Беда только, что война – это не шахматы. Рано или поздно поляки, которым Франция отдала едва ли не все свои танки (старые, но вполне рабочие) придумают, как прорвать линии нашей обороны. Или напротив, руководство РККА назначит на должность командующего Западным фронтом кого-нибудь из активных военачальников, и мы пойдем прорывать «линию Пилсудского». Можно, не мудрствуя лукаво, предложить пост комфронта самому Брусилову. Он и опыт имеет соответствующий, и авторитет. Алексей Алексеевич хотя и болен, и годков ему уже порядочно – шестьдесят шесть или шестьдесят семь, но ничего, выдюжит. Суворов, когда ходил в Альпийский поход, был еще старше. Брусилов, возглавлявший нынче Особое совещание при главнокомандующем всеми вооружёнными силами Советской Республики, выработывавшее рекомендации и инструкции по укреплению Красной армии, наверняка скучает по настоящему делу. Но сколько красноармейцев поляжет, если пойдем на прорыв?

Так что, светлая головушка у того, кто решился-таки на перемирие. А где перемирие, там и мир. Но товарищ Сталин, судя по взгляду, остался недоволен.

– Решение о перемирии должно принимать Политбюро, – сердито сказал Сталин, обращаясь почему-то к Берзину. – Почему я не был поставлен в известность?

– Т-тофарищ Сталин, но федь фам еще пять тней назат пришла т-телеграмма, ф к-которой фас приглашали на засетание, – заметил Берзин.

– Э, точна, – вздохнул Сталин. Посмотрев на меня, сказал: – Была телеграмма, и я сабырался ехат, но патом мнэ стало нэ до савешаний и нэ до засэданий.

Действительно, какие там заседания Политбюро, если в Первой конной армии творилось черт знает что? Не думаю, что Сталин ограничился лишь ролью стороннего наблюдателя. Скорее всего, активно наводил порядок.

– А чего ради Склянский понадобился в Москве? – поинтересовался я.

Плохо, что Склянского не в ладах со здравым смыслом. Если хотел отправить Конармию на Западный фронт, то зачем уничтожать одну из самых боеспособных дивизий? Или это такой элемент воспитательной работы? Типа, бей своих, чтобы чужие боялись? Нет, все равно не понимаю. В восемнадцатом, когда Красная армия убегала, децимацию еще как-то можно оправдать, а сейчас? Опять-таки, Склянский – это рука и воля товарища Троцкого, а не самостоятельная политическая фигура. И Лев Давидович остается любимцем военных.

Увы, мой вопрос остался без ответа. Похоже, Берзин все-таки заинтересовался – кому он выдает служебные и государственные тайны?

– Т-тофарищ, а фы кто путете?

– А я, товарищ Берзин, молодой наглец, любимчик Ленина, – улыбнулся я, специально пропуская слово «товарищ» применительно к заместителю Троцкого. – И фамилия моя Аксенов. А я не знал, что у Владимира Ильича есть любимчики. Передам ему, вот уж товарищ Ленин посмеется.

– П-простите, тофарищ Аксеноф, я не хот-тел фас обидеть, – слегка скривился второй член РВС.

– Владимир Иванович выше абыд, – отрезал Сталин.

– Для фас, т-тофрищ Аксеноф, тоже есть срочная телеграмма. Т-товарищ Д-дзержинский приказывает фам срочно приехать в Москву.

Посмотрев на Берзина, Иосиф Виссарионович вздохнул, понимая, что коли сразу не начал бить тому морду, то теперь-то уже поздно, спросил:

– Скажи-ка, товарищ Берзин, у тебя остался шоколад? Или ви им водку закусывали?

– Ота п-плитка осталась, – признался Берзин.

Мы в студенческие времена обходились одной ириской на троих под бутылку ркацители и ничего, никто не умер, алкоголиком не стал.

– Нэси, – сказал Сталин, а Берзин, не попытавшись протестовать, отправился за недо-еденным шоколадом. Мелочь, вроде бы, но она позволяет понять: кто из членов РВС главнее. Пока собутыльник Склянского ходил, Сталин сказал с грустью:

– Ну вот, Владимир Иванович, плахой я хазяин – зазвал вас на рюмку, а рюмка-то пустая.

– Ничего страшного, товарищ Сталин, – махнул я рукой. – Будет время, обязательно выпьем.

– Будэт, Володя, обязательно будэт, – заверил меня Иосиф Виссарионович. – И нэ водки выпьем, а настоящего вина, картлийского. Знаеш, что за вино?

Я только пожал плечами. Откуда Вовке Аксенову знать про грузинское вино? А уж про картлийское не знал даже Олег Васильевич Кустов. Каюсь, я вообще не специалист в винах. Никогда не был поклонником ни грузинских, ни молдавских ни прочих вин. Шампанское когда-то нравилось, очень давно, в какой-то другой жизни.

– Эх, про вино нэ рассказывать нада, а пит! – важно сказал Сталин, всовывая мне в руки завернутые в фольгу плитки шоколада. – Вот, эта для маладой жены товарища камиссара.

– Товарищ Сталин, не возражаете, если я одну шоколадку своей сотруднице подарю? – поинтересовался я, прибирая щедрый по нынешним временам подарок.

– Маладая сатрудница, красывая? – заулыбался Сталин. – Канечна, нэ возражаю. Можете ей даже двэ шоколадки дат, чтобы поравну была.

Я не стал уточнять, что это просто сотрудница, а молодая ли и красивая она – совершенно неважно, но не стал. По опыту знал, что чем больше отпираешься, тем меньше верят.

– Интересно, кто же на нас напал? – подумал я вслух.

– Особый отдел выяснит, сообщит, – отмахнулся Сталин, а потом укоризненно сказал: – Вам, Владимир Иванович, урок на будущэе – ныкогда бэз охраны не ездят!

– А вам, товарищ Сталин, это не урок? – усмехнулся я.

– А у мэня нэт охраны, – пожал плечами член РВС фронта. – В палитатдэле вэс личный состав – дэсят челавэк, да двадцат краснаармэйцэв. А они в паслэднее время из боев нэ вых-одят. Я им патаму и отдохнут дал.

– Так и у меня, товарищ Сталин, личной охраны нет. На бронепоезде есть сотрудники, взвод красноармейцев, но они мне для оперативного обеспечения мероприятий нужны, а не для охраны.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Эх, хороши начальники, лазающие, где попало, и не имеющие личной охраны.

Явился товарищ Берзин, принеся четвертую шоколадку.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я нетрезвого члена РВС, пряча очередной «трофей» в карман.

Со Сталиным мы крепко обнялись, с Берзиным ограничились рукопожатиями. Что же поделать, если человек мне не понравился? Мне он и в *той* истории был несимпатичен, и в *этой*. Впрочем, наши симпатии и антипатии – вещь субъективная. Не исключено, что я не прав, и Берзин, в свое время подписывая приказ о передаче Первой конной в распоряжение Западного фронта, руководствовался собственными благородными убеждениями, посчитав, что Сталин неправ, и наступление буденовцев спасет фронт, а Красное знамя взвоется над Варшавой.

И то, что случилось сегодня, в общем-то, мелочь. Подумаешь, взял у коллеги бутылку водки, чтобы угостить высокопоставленного чиновника. Но ведь сознался, извинился, пообещал компенсировать, да еще и плитку шоколада мне дал. Возможно, Берзин отвлек внимание

Склянского, успокоил его и спас меня от какой-то большой неприятности. Кто знает, как бы оно повернулось?

До бронепоезда я дошел пешком, отказавшись от машины, что предлагали мне товарищи из РВС. Увы, от вооруженной охраны отказаться не смог. Да и не стал, памятуя недавний инцидент.

Не думаю, что это было покушение на мою особу или на Сталина. Скорее всего, бандиты решили поживиться. Впрочем, это могла быть и польская фронтовая разведка, пытавшаяся добыть «языка». Люди в автомобиле – явно не рядовые красноармейцы, а без охраны – лакомый кусочек. Впрочем, чего мне забивать этим голову? Какая разница, кто напал? Линия фронта неподалеку, все могло быть. Надеюсь, Сталин мне сообщит, что к чему, а по приезду в Москву попрошу Артузова, тот свяжется с особистами Юго-Западного фронта. По нынешним временам Артур Христианович для Особого отдела фигура более важная, нежели член РВС.

Так я и шел в сопровождении трех парней вооруженных винтовками. Надо бы пошипеть – мол, такая охрана, что пока снимает оружие с плеч, тебя вместе с ними убьют, но уж какая есть.

Ломать голову – зачем меня вызывают в Москву, да еще срочно, тоже не стал. Здесь и козе понятно: если заключим мир с поляками, значит, накрылась медным тазом моя должность начальника ПольЧеКА. Переживать не буду. Скорее всего, для нас с Артузовым найдется работа по профилю. Там, где проходят дипломатические игры, раздолье для шпионов. Стало быть, и контрразведчикам найдутся дела.

Глава шестая. Нищенка из Львова

Я смотрел в окно, разглядывая, как куча народа пытается поставить на рельсы железнодорожный состав. Зрелище, надо сказать, не самое радужное. Надеюсь, жертв нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.